

12+

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНА

Роман

Юлия Добровольская

Юлия Добровольская
Мужчины и женщина

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Добровольская Ю.

Мужчины и женщина / Ю. Добровольская — «ЛитРес: Самиздат», 2007

ISBN 978-5-5321-2283-3

После трагической гибели мужа Марина, преподаватель словесности и психолог, переезжает в другой город и однажды случайно читает объявление о поиске воспитателя для подростка на условиях совместного проживания. Трудные отношения с неуправляемым парнем, выросшим без матери и избалованным родителями отца, очень скоро перерастают в глубокую обоюдную привязанность, а схожесть вкусов и взглядов на жизнь сближают Марину с отцом воспитанника и его ближайшими друзьями. Любовные переживания всех участников истории благополучно разрешаются, а деликатно хранимые тайны прошлого раскрываются, никого не рая.

ISBN 978-5-5321-2283-3

© Добровольская Ю., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Мужчины и женщина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Элементы детектива с головоломными интригами, умопомрачительные приключения, холодящие кровь погони и опаляющие душу страсти!..

Только всё это – не здесь.

Но не спешите отложить книгу в сторону – возможно, вам покажутся близкими радости и переживания моих героев, их сомнения и откровения. Надеюсь.

Юлия Добровольская

Мужчины и женщина

Роман

Редко члены одной семьи вырастают под одной и той же крышей.

Ричард Бах

Истину невозможно постичь, не воплотив ее в дела твоей жизни.

Пол Феррини

17.10.2005. Понедельник.

Это был удивительно длинный день. Да, моя нынешняя жизнь может считаться как день за десять... Почти без преувеличения.

В это утро всё происходило, как обычно.

Не успела я нажать на кнопку звонка, как мне открыли – я знала, конечно, о системе видеонаблюдения за домом.

Не успела шагнуть за порог, как с лестницы кубарем слетело моё чадо.

Не успела протянуть к нему руки, чтобы предотвратить возможное падение нас обоих, как он затормозил в полуметре и поднял на меня глаза. И, как и прежде – вот уже на протяжении нескольких дней – я заметила признаки адекватности в его взгляде...

Нет, мой воспитанник вовсе не debil. Это умный и отзывчивый подросток, прямодушный и романтичный, но совершенно... совершенно невоспитанный! Хотя... я давно не употребляю этого термина. Мальчишка просто запущен как личность. И это не редкость, увы. Порой забота взрослых сводится лишь к рачению о плоти своих чад: покормить, одеть... если денег достаточно, купить всего, чего желается – развлекайся сам, а у нас хлопот полон рот.

У Егора для развлечений есть всё, что только можно помыслить. А любимое занятие его – компьютерные стрелялки и примитивные киношки с теми же стрелялками-взрывалками. Я не раз наблюдала выражение его лица, когда он следил за происходящим на экране разбрызгиванием пуль, мозгов и крови – это был экстаз, упоение. Однажды он перехватил мой взгляд, и мне показалось, смутился. Чудовище смутилось!.. Он натянул на лицо маску циничной отстранённости и уставился в экран, но сразу – не прошло и полминуты – отключил видеосистему со словами «я уже видел эту фигню».

Для него не существует авторитетов – ну, разве что отец, да и то по вполне понятным причинам. Учителя и школа – это что-то неудобно-нудное, как осенний дождь, который невозможно отменить, остаётся лишь переждать его с наименьшими потерями. И парень приспособился получать удовольствие от перемен между уроками, когда можно всласть набегаться по двору или широким школьным коридорам, поболтать со сверстниками на животрепещущие темы, ну и позаигрывать с девчонками – каким-то новым, своеобразным, не тем, что в мои времена, способом.

Но при всём этом, засыпает он до сих пор с любимым плюшевым белым слоником. Как-то случайно я стала свидетелем их прощания перед уходом в школу: Егор что-то нашептал слонику под напрочь облысевшее ухо, поцеловал в замусоленный кончик хобота и посадил на подушку... Зовут слоника Бóка. На мой вопрос: «что это за такое необычное имя?» – Егор опустил взгляд и ответил, что имена бывают разные, и Бóка – это просто Бóка.

Правда, ещё Егор любит рисовать. Но я ничего пока не видела из его рисунков – альбом он прячет.

Конечно, к настоящему моменту я вполне знала и понимала этого ребёнка: раскусила я его сразу, с первых наших встреч... Впрочем, тут и раскусывать-то нечего – картина не нова для меня, опыт работы с детьми я имела довольно богатый и среди *обычных* детей безошибочно узнавала детей вот *таких*. Таких, к которым относился Егор.

Так вот, сегодня всё происходило как обычно. Мы с парнем вышли на крыльцо, подъехал наш школьный автобус – так я называю огромный чёрный джип с затемнёнными задними стёклами, – мой кавалер раскрыл передо мной дверь и подал руку. Это входило в нашу с ним программу воспитания галантности и хороших манер, и он делал успехи – я говорила, что подросток оказался любопытным и восприимчивым. Потом он, как обычно, закинул свой рюкзак на переднее сиденье и устроился рядом со мной.

Тут я заметила, что водитель у нас новый.

Задавать вопросы кому бы то ни было в этом доме, в этом семействе, не принято – всё необходимое вам сообщали немедля – поэтому я лишь поздоровалась, и в ответ услышала:

– Доброе утро. – Водитель повернулся к нам, и я увидела его лицо.

Парень выразил свои чувства более бурно:

– У-у, Энди! Привет! Долго же тебя не было! Расскажешь, как оно там?

– Привет, Егор. Расскажу.

Энди протянул раскрытую ладонь, и мой кавалер громко хлопнул об неё своей пятернёй, начинающей уже превращаться в красивую по-настоящему мужскую кисть... Вот только... да, с этим работать придётся долго.

– Джентльмен должен представить своих товарищей друг другу, если они не знакомы между собой. – Сказала я моему подопечному мягко.

– А, да!.. – Он почесал чуб, вспоминая, кого кому прежде нужно представлять. – Марина Андреевна, это Энди... э-э... то есть, Андрей... ой, как там тебя?..

– Можно просто Андрей. – Сказал с улыбкой водитель.

Мой подросток добросовестно довёл своё дело до конца:

– Ну, да... Андрей, а это моя воспитательница, Марина Андреевна.

– Можно просто Марина. – Сказала я.

Мы пожали друг другу руки, а наш парень облегчённо вздохнул и откинулся на высокую спинку с чувством исполненного долга.

Машина тронулась. Мы больше не разговаривали, поскольку Егор сразу вставил в уши две серебристых фасолины и уставился в окно.

Я тоже смотрела в окно, в проём передних сидений, на дорогу, которая была очень хороша теперь – на пике зрелой осени.

Ещё не поредевшие заметно зелёные кроны тополей слегка припорошены тусклым зыбким золотом. Поля, мелькающие между стволами, где-то перепаханы и сочно бархатисты, а где-то усыпаны мохнатыми валиками скрученного в рулоны сена – густого зеленовато-охристого цвета, того же что и плюшевая стерня, распростёртая под ними. Безоблачная синева, венчающая всю эту осеннюю буколику, коварно обещает тепло, если не зной – в такие утра не мешает свериться с уличным термометром, чтобы не промахнуться с одежкой...

Иногда я будто невзначай поглядывала в зеркало заднего вида, но ни разу не встретила со взглядом водителя. Да, водители – впрочем, как и весь персонал в доме – знают своё дело крепко, и положиться на них можно во всех смыслах.

Я еду этой дорогой вот уже второй месяц – с первого сентября. Всё происходит так, как происходит сейчас: Егор слушает свою музыку, потом он отдаёт мне плеер, телефон и отправляется в школу; если у меня есть уроки, я иду с ним, если нет, то бывает по-разному – в зависимости от того, сколько у меня времени до окончания занятий подопечного. А это, в

свою очередь, зависит от того, есть ли, например, физвоспитание или музыка: Егор посещает не все уроки, развитие сына по некоторым предметам его папа обеспечивает иным образом.

Сегодня моих уроков нет, а у Егора – всего два. Так что, можно посидеть в школьном саду, почитать, или подумать. Или сделать записи в моём дневнике, который я веду лет двадцать. Водитель до конца дня в моём распоряжении – я командую, когда и куда нас везти. Командовать, правда, я не умею и даже норовлю «дать увольнительную» водителю, если, например, Егор будет занят длительное время. Но ничего из этого не выходит – у них приказ: никуда не отлучаться, пока не доставят нас с отроком домой.

* * *

Мы миновали лесной массив и въехали в город. По городу ещё минут десять-пятнадцать – и мы во дворе школы.

Егор вышел из машины, обошёл её и протянул мне руку. Потом отдал свою технику.

– До встречи, Егор, – сказала я.

– До встречи, Маринандревна, – ответил он.

Это был прогресс: прежде я слышала от него какое-нибудь «ага» или «угу», а то и вовсе ничего.

Егор, завидев кого-то из приятелей, припустил, забыв о манерах. Тринадцать лет... это тринадцать лет. Хоть мой тинэйджер и из ранних.

Я обернулась и кивнула водителю: мол, до встречи. Он улыбнулся и тоже кивнул мне.

Обычно водители или спали, откинув кресло, или читали, или играли в какую-нибудь телефонную игрушку. Собственно, я знала двух водителей: один, постоянный, Борис, и подменный – Сергей. Почему сегодня появился Андрей и надолго ли, я не очень-то задумывалась – не моё это дело. Я отметила только, что он выделялся из ряда обслуживающего персонала и вообще не слишком походил на профессионального водителя. И Борис, и Сергей, как я понимала, сочетали свою основную деятельность с функциями телохранителей – оба спортивного вида и весьма внушительных размеров. Андрей же больше напоминал служителя муз – поэта, скажем. И Егор с ним на «ты», как с давним знакомым...

Я пошла по аллее к своей любимой скамейке. С неё открывался вид на медленную, тяжёлую, похожую на густеющее желе, реку и старое кладбище на другом берегу.

Некрополь, словно облаками, укрыт купами деревьев, которые сейчас вступали в самую живописную свою пору. На тёмной зелени клёнов то тут, то там появлялись яркие, сочные кляксы жёлтого, оранжевого, тёмно-бордового. Лиственницы стали прозрачными, похожими на собственные призраки из червонного золота. Голубые ели у главного, восточного, входа, казалось, посинели до чернильного, а несколько дубов у западной ограды покрылись роскошной ржавчиной.

Птичий гомон звучал уже не по-летнему – радостно-делово, – а скорее суетливо и озабоченно, даже нервно. К нему всё активней и настойчивей подмешивалось тьяканье галок и карканье ворон, которые вот-вот заглушат окончательно всех прочих пернатых обитателей города: лишь осыплется последняя листва с деревьев и обледенеет земля, как их зычные голоса заполнят парки и дворы до самой весны.

Мне не захотелось открывать сумку – обычно я ношу с собой пару книг, которые читаю под настроение, или готовлюсь к занятиям. Слушать музыку тоже не хотелось – лень было включить плеер и на полминуты, чтобы узнать, что мой подопечный слушает сегодня... И тут я вспомнила двухнедельной давности разговор.

1.10.2005. Суббота.

Егор спросил меня сегодня, какую музыку я слушала «в молодости»...

Я засмеялась – он не понял, чему, – и назвала по паре-тройке групп и исполнителей из каждого, пришедшего на ум музыкального направления. Добавив, что и до сих пор слушаю всё то же.

У Егора вытянулось лицо.

Я спросила, что его так удивило.

С непосредственностью, об которую ещё не так давно вдребезги разбивались любые попытки воспитания, он сказал:

– Я думал, старики только всякие там симфонии слушают.

Я снова рассмеялась:

– Ну, конечно, я для тебя ископаемое... Сорок пять лет – это непостижимо для твоего ума.

Егор смутился – что меня весьма порадовало, – и пробубнил:

– Н-ну, нет... Вы-то, конечно, на старуху не тянете... – И тут же нашёлся, и тему сменил, и ко мне подлизался: – А дайте что-нибудь послушать из вашего... ну, в смысле, пожалуйста...

Я говорю:

– Давай начнём с того, что ты знаешь из перечисленного.

Он сказал, что какие-то названия слышал, но не знает, что есть что... Ему понравилось, как звучит Пинк... Пинк...

– Pink Floyd, – сказала я. – А почему тебе запало это название?

– Не знаю, – сказал он. – Так...

– Учти, это не панк, – сказала я, – это рок.

Из рока он знал Виктора Цоя – одного из кумиров его папы.

Я принесла ему все свои диски и сказала:

– Слушай и вникай, мне будет очень интересно твоё мнение.

– Моё мнение?... Вам? – Удивился он.

– Да, именно твоё мнение и именно мне. Чему ты так удивлён?

Он соображал долго и, в конце концов, сформулировал:

– Обычно взрослые говорят: «твое мнение никого не интересует, вот вырастешь, тогда будешь высказывать своё мнение».

– И кто же это тебе такое говорил?

– Учителя все так говорят... и дедушка.

– А бабушка, папа?

– Бабушка... нет, она вообще ничего такого не говорит.

– Такого – это *какого*?

– Ну, она только говорит: «да-да-да, хорошо-хорошо...». Или: «покушай, оденься, ложись спать, вставай». А папа... у папы времени, наверное, нет, чтобы слушать моё мнение...

– Егор опустил голову. – Вы же знаете, как он занят. – И тут же посмотрел на меня не без гордости во взгляде.

Я задумалась, соображая, как же ответить на это. Разговор назревал долгий и не совсем по предмету, что, впрочем, становилось нормой нашего общения: темы ветвились подобно корням и ветвям дерева, уводя вширь и вглубь, а то и прорастая совершенно новым, неожиданным ростком, вот как сейчас.

– Ладно, – сказала я, – оставим каждому право интересоваться или не интересоваться твоим мнением, а я тебе заявляю... и хочу, чтобы ты это всегда помнил: мне очень... мне невероятно, мне бесконечно интересно твоё мнение по любому вопросу! Усвоил?

– Усвоил, – сказал Егор, и на его лице снова обозначилось удивление.

– Повтори, – сказала я.

– Вам невероятно интересно моё... любое моё мнение по любому вопросу.

– Абсолютно верно! Садись, пять! – Я улыбнулась, но парень оставался серьёзным. У него, видно, не получалось так сразу уместить в себе моё заявление.

– А почему? – Спросил он.

– Почему мне интересно твоё мнение? – Он кивнул. – Потому, что *ты* мне интересен, твоя душа, весь твой внутренний мир.

Я смотрела на него и понимала, что всё-таки придётся продолжить тему, и лучше сделать это прямо сейчас.

И я заговорила о том, что только на откровенности и взаимопонимании можно построить глубокие отношения...

– Я не сумею стать тебе настоящим другом, помощником, учителем, если не буду знать, что тебя волнует, что тебе нравится, что раздражает. Наше общение будет поверхностным, и я смогу заботиться лишь о том, чтобы ты правильно себя вёл в обществе, не простудился, не умер с голоду и вовремя сделал уроки... – Лицо парня было предельно сосредоточенным. – Ну, ладно, со мной проще, – оговорила я, – я ещё год-другой с тобой позанимаюсь, ты подрастешь и больше не будешь нуждаться в моей помощи... – Егор вскинул на меня глаза. Мне показалось, испуганно. Во всяком случае, вопросительно. – Но скоро ты станешь взрослым, в твоей жизни появится много новых людей, с которыми тебе нужно будет строить отношения: с кем-то дружеские, с кем-то деловые. А потом и семейные – ведь когда-нибудь у тебя будет жена, а потом и дети... Понимаю, тебе это время кажется бесконечно далёким. Но готовиться к нему нужно сейчас. И один из самых важных моментов – это формирование своего собственного мировоззрения...

Я говорила и о том, что сегодняшнее его мнение вовсе не обязательно останется неизменным на всю жизнь – ведь мы растём, познаём мир, меняемся.

– Но самое главное – чтобы своё мнение изменял ты сам, а не кто-то другой, не так называемые обстоятельства жизни... И опять же: это не значит, что не следует прислушиваться к мнению других. Напротив! Вот только любую информацию необходимо анализировать, пропускать через себя, через своё понимание...

И так далее, и тому подобное...

Ещё я говорила о том, почему важно как можно раньше начать этот процесс – формирование собственных взглядов: привыкнув жить по чужим правилам, что и происходит с большинством людей, в конце концов, можно просто забыть, кто ты есть и чего ты хочешь...

Не залезла ли я в дебри? Сумела ли на доступном подростку языке обрисовать самую суть вопроса?..

– Ты понимаешь, о чём я?

– Кажется, да, – сказал Егор.

– Если ты всё же чего-то не понял, лучше переспроси.

– Значит, я должен всегда высказывать своё... своё честное мнение?

– Замечательный вопрос! Вернёмся к тому, что как минимум ты должен его иметь. Если у тебя нет мнения на какую-то тему, постарайся разобраться и определиться. Например, тема вранья. Обман – это плохо или хорошо?

– Плохо, конечно!

– А вот не спеши! Обман обману рознь. Одним обманом можно человека погубить, а другим обманом спасти жизнь. Мы не будем пока вдаваться в подробности, можешь сам поразмышлять об этом, придумать примеры. А я хочу тебя подтолкнуть к тому, чтобы ты учился составлять своё собственное мнение, особенно по таким вот важным вопросам. Теперь предположим, ты имеешь своё мнение о чём-то, или о ком-то. Что теперь с этой драгоценностью

делать? Бегать и всех трясти за грудки: «послушайте! я думаю так-то и так-то!..» – Егор усмехнулся, он внимательно следил за ходом моей мысли. – Как ты думаешь, нужно ли это делать?

– Думаю, нет...

– Почему?

– Ну... буду, как дурак...

– А почему, как дурак?.. Да потому, что тебя ещё никто не спрашивал о твоём мнении. Так? Так. Хорошо, пришёл момент, тебя спросили: что ты думаешь по такому-то вопросу? И вот тут ты должен высказать его честно. Но непременно в мягкой форме, чтобы не ранить, не обидеть тех, кто думает по-другому, потому что они имеют такое же право на собственное мнение, как и ты. Согласен?.. – Парень кивнул. – Если твои приятели будут знать, например, что ты не любишь нецензурных выражений, что это вызывает у тебя брезгливость и неуважение к тем, кто их употребляет, то те из них, которые ценят твою дружбу, не будут их употреблять... по крайней мере, при тебе. А девчонки, которым небезразлично твоё внимание, будут знать, что ты не любишь, когда они красуются голыми пупками на улице или на вечеринках... – Егор улыбнулся: мы недавно с ним прошлись по вопросу подростковой моды, – ...и тогда те девочки, которые дорожат твоим вниманием, наматывают это себе на ус.

Я решила, что на сегодня хватит серьёзностей, и перешла на шуточный тон:

– У девочек, правда, усов не бывает...

Мы засмеялись.

– Смотри-ка, начали с музыки, а закончили... – Сказала я.

Егор вдруг посерьёзnel:

– Марина Андреевна... вы сказали, что через год или два вы уже не будете со мной заниматься. Почему?

Ах, вот, о чём он подумал в тот момент!..

– Потому, что ты такой способный ученик, что мне скоро нечему будет тебя учить. –

Ответила я.

– А вы что, и из школы из нашей уйдёте, опять в ту, в которой работали раньше? И от нас уедете?..

Я опустила глаза.

– Ты знаешь, мне не хочется сейчас думать об этом, – сказала я. – Мне грустно об этом думать. Мне очень хорошо и интересно с тобой. Я хочу, чтобы наша дружба продолжалась столько, сколько будет нужно нам обоим. – Я посмотрела на Егора.

Теперь он потупил взгляд.

– Тогда, не будем об этом.

– Не будем, – сказала я.

Этим закончился наш разговор о музыке...

17.10.2005. Понедельник.

И всё же, интересно, что он взял с собой сегодня?..

Я достала и включила плеер. Это был, к моему удивлению, Серж Генсбур. Хм-м... Ну да ладно, всё же это, по моему скромному имхо, лучше всяких-разных Мумм... впрочем, не буду никого обижать. В конце концов, нанимая меня на работу, его папа справился весьма тщательно о моих эстетических предпочтениях, и музыкальных, в том числе.

Я не стала слушать Генсбура. Просто сидела и смотрела на монастырские кущи, на чуть затуманенную синеву неба. Хотелось облечь в слова и эту красоту, и своё настроение, но получилось банально до пошлости... Я позавидовала моему любимому писателю, который умел предельно лаконично, в самых простых выражениях, описать антураж, не употребляя эпитетов

и даже обычных прилагательных – и ты видел не только видимое, но и проникался настроением автора, атмосферой места. Никому из тех, кого я читала, не удавалось ничего подобного. А может, я не права?.. Может, это какой-то особый резонанс наших с ним душ?.. Да, возможно.

Когда я окончательно уяснила, что мне не под силу тягаться ни с гением, владеющим словом, как мало кто другой, ни с Создателем, сотворившим и гения, и слово, и всю эту красоту, мои губы сами по себе произнесли тихо: аллилуйя...

Да, это было исчерпывающим эквивалентом моих чувств – если слово вообще может быть исчерпывающим эквивалентом чего-либо.

После этого мысли ушли сами по себе. Мне показалось, что я пребывала в трансе какое-то время, я не ощущала тела. Какой-то отрыв от самой себя материальной... Нет, я не летала *над* или *вокруг*. Я продолжала сидеть на скамейке, я ясно видела всё тот же пейзаж, вдыхала запахи, слышала звуки... Но взамен несложившимся сентенциям в сознание проникло состояние... вот-вот: сознание наполнилось не словами и фразами, а состоянием – состоянием невероятной сопричастности и неопикуемой благодарности. Состоянием аллилуйи. Забавно, но в это слово я вдумалась впервые после того, как попала на премьеру знаменитого, ставшего культовым, спектакля. «Аллилуйя любви!» – пелось в финале, а я плакала... Потом я прочла в нескольких словарях значение этого слова. Вот так и закрепилось во мне: невыразимые восторг и хвала – значит «аллилуйя»...

Я ощутила вдруг неодолимое желание вернуться к машине. Это не было тревогой, не было обусловлено какой-либо нуждой. У *этого* вообще не было никакой видимой причины... И вдруг я вспомнила, с чем можно сравнить подобный позыв: так в детстве, заигравшись в песочнице, вдруг чувствуешь необходимость оглянуться на маму, которая сидит где-то в отдалении на скамейке. Да, именно то ощущение.

Я обернулась и увидела, что Андрей смотрит в мою сторону. Глаз я не могла видеть за бликующим стеклом, но фигура его повернута ко мне. Я села в прежнюю позу, сосчитала до десяти, потом ещё раз. Желание ощущалось физически, как щекотка. И оно не прекращалось.

Я всегда дружила со своей интуицией и привыкла ей доверять. Сейчас она мне говорила: пойдй туда.

Я подошла к машине. Андрей тут же вышел, открыл мне дверь – мою дверь, заднюю, – и подал руку.

– Озябли? – Спросил он.

– Да нет, – сказала я. – Погода прекрасная. Просто захотелось вернуться. Не знаю, почему... – Я посмотрела на Андрея, но его взгляд в этот момент следил за тем, чтобы я не оступилась.

Он занял своё место – теперь в обычной позе, лицом вперёд.

Я глянула в зеркало и встретила с его взглядом. Это выходило за рамки правил – никто из водителей никогда не смотрел на меня, пока я не обращалась к нему с чем-либо.

«Не заводите дружеских контактов с водителями, между вами должны быть сугубо деловые отношения» – этот наказ я усвоила хорошо, хоть мне и трудно относиться к живому человеку как к части механизма или процесса. Водители и прочий персонал, вероятно, имели ту же установку, но соблюдать подобные правила у них получалось гораздо лучше, чем у меня.

Я отвела взгляд – благо, это вышло естественно: из-за угла школы показалась дворничиха со своим знаменитым псом Глобусом. Прославился пёс тем, что любому без запинки прогавкивал, сколько будет дважды два, и отвечал на вопрос: «кто мыл раму?» – я сама своими собственными ушами слышала, как он произносит слово «мама». Сейчас Глобус нёс за хозяйкой пластиковое ведро.

Андрей продолжал смотреть на меня, я чувствовала это и начинала волноваться.

Возможно, этот водитель какой-то необычный? Может быть, он на особом положении в семье?..

Я постаралась непринуждённо глянуть на него. Глаза улыбнулись. Я улыбнулась в ответ и ляпнула помимо воли:

– Мне не велено заводить дружбу с водителями. – И засмеялась.

Андрей повернулся ко мне.

– Я не водитель.

– Правда?.. То-то мне показалось, что вы больше на поэта смахиваете...

– Так что, со мной *можно* заводить дружбу.

– А кто вы, извините за прямой вопрос?

– Друг семьи.

– А что, если с другом семьи мне и подавно нельзя?..

– Как друг семьи я попробую добиться для вас такой привилегии. – Он усмехнулся. – Тем более что *хозяин*... – теперь Андрей благоговейно вознёс очи горе, – хозяин вами предоволен.

– Правда?

– О, да!.. Это если мягко выразаться. Да и я просто не узнаю нашего отрока! Я не видел его всего три месяца, и вот... такие перемены...

Прозвучал звонок, заставив подняться в воздух стаю голубей, пригревшихся на освещённых солнцем карнизах.

– Какие у вас планы? – Спросил Андрей.

– Возвращаемся домой.

– А в Макдоналдс с нами поедете? – На его лице появилось нечто вроде смущения. Он тут же добавил, будто извиняясь: – Это наше любимое с Егором заведение. После долгой разлуки, думаю, он будет рад возобновить традицию.

Только я подумала, что мне нельзя нарушать порядка: откуда, в конце концов, я могу знать, кто такой этот Андрей? – как зазвонил мой сотовый.

– Да, Сергей Егорович, слушаю вас.

Это был отец Егора. Он сказал, что, если у сына и Андрея Филипповича появятся какие-нибудь планы, я могу спокойно оставить их вдвоём или присоединиться к ним, по моему желанию, что он просит прощения за то, что не успел меня предупредить, Андрей Филиппович это давний друг, и я должна полностью доверять ему.

Подбежал Егор и запрыгнул на переднее сиденье.

– Можно, Марина Андреевна? – Спросил он.

– Если Андрей Филиппович не против. И пристегнись. – Я посмотрела в зеркало на Андрея. – Вам с Егором предоставили полную свободу.

Егор испустил радостный вопль. Потом обернулся ко мне:

– А вы поедете с нами в Мак?..

Андрей не дал ему договорить:

– Разве так приглашают даму на обед? Ну-ка, чему ты тут успел научиться?

На лице Егора отразилась работа мысли.

– Э-э... Мадам, вы не согласитесь пообедать с нами?

– Благодарю вас, месье, с удовольствием.

Мы все засмеялись, а парень спросил:

– А вы мадам или мадемуазель?

– М-м-м... ты застал меня врасплох, – сказала я. – Наверное, всё же мадам. Если быть точной, то я вдова.

– А вдова – это жена генерала?

– С чего ты решил?

– А, в киношке недавно было про Адель, вдову генерала.

Я сказала:

– Вдова это женщина, у которой умер муж. И не обязательно генерал.

– А у вас что, муж умер? – Спросила сама непосредственность и повернулась ко мне лицом, выглянув в проём между креслами.

– Егор! – Перебил его Андрей. – Ты ведёшь себя нетактично.

– Всё в порядке, – сказала я. – Да, Егор, мой муж умер. Если тебе интересно, я могу рассказать мою историю. Только не сейчас, ладно?

Егор смотрел на меня какое-то время со странным выражением, застывшим на лице. В течение всего дня и после я буду отмечать эти «странные выражения», неизвестные мне доселе.

– Ладно. – Наконец сказал он и отвернулся. Потом его голова снова появилась в проёме. – Простите меня, Марина Андреевна.

– Прощаю, – сказала я и потрепала его по волосам.

Мы ехали молча, словно подчиняясь самому главному здесь источнику шума, который не проронил ни слова, пока не увидел угол вожделенного заведения.

– Что-то я есть не хочу, – сказал Егор, глядя на Андрея.

– Будешь смотреть на нас с Мариной Андреевной. – Андрей улыбнулся мне в зеркало. – Да, Марина Андреевна?

Я решила подыграть ему:

– Да. Будешь смотреть, как мы уплетаем бигмаки.

У прилавка парень, разумеется, передумал и заказал себе, как обычно – по полной программе.

Андрей не позволил мне рассчитаться, хотя я платила не свои деньги – еженедельно мне выдавалась определённая сумма на всяческие расходы вроде подобных.

– Мы отмечаем моё возвращение, – объяснил он.

Когда мы поглощали наш ланч, я ловила на себе взгляды Егора, которые тот сразу отводил, делая вид, что смотрит просто так, от нечего делать.

* * *

– Ну, что – за уроки? – Спросила я. – В пять в бассейн.

Егор кивнул.

Дав нам с Егором полчаса на передышку, я пошла к себе.

Я жила поблизости, в доме, небольшую часть которого снимал для меня отец Егора, но в их доме мне отвели комнату на случай, когда требовалось моё присутствие ночью. Да и вот для таких недолгих пауз это очень удобно: расслабиться, переодеться.

По рекомендации моего работодателя я одевалась в «классическо-романтическом стиле» – мне даже выделили приличную сумму на соответствующую экипировку ещё до того, как я приступила к своим обязанностям. Это означало элегантные костюмы, юбки с блузами и какими-нибудь аксессуарами вроде шарфа или косынки; броши, бусы и другие украшения тоже приветствовались. Юбки до середины колена или чуть выше и непременно прозрачные чулки и туфли на каблуке. Если мы выходили в театр или ещё куда-нибудь, требовался вечерний наряд. А в том случае, когда все выходы из дому завершались, позволялась «свободная форма» – джинсы, майки, джемпера – всё, кроме халатов: халат это одежда для спальни. Впрочем, наши с «хозяином» взгляды на одежду совпадали полностью.

Я скинула туфли и жакет, легла на кровать и закрыла глаза. Почти тут же – повинувшись знакомому позыву – я открыла их, в полной уверенности, что увижу стоящего рядом Андрея. Разумеется, никого в комнате не было, но расслабиться я не смогла и стала думать о нём.

Друг семьи. Работает водителем... ну, может, не работает, просто решил прокатить парня сам, после долгой разлуки... Незаурядная внешность: лицо интеллектуала и... да, скорей всего, поэта... манеры джентльмена. Да и его друг – мой работодатель – тоже весьма неординарный мужчина. На типичного бизнесмена он вовсе непохож. Ну, разве что, в своём кабинете и в строгом деловом костюме... Я была бы не прочь познакомиться поближе и с одним, и другим – у меня уже давно нет интересного общества... Хотя, вот Егор – он, правда, ещё не собеседник, но слушатель весьма благодарный.

Егор... Я переключилась на него, на перемены, происходящие не только в его манерах, но и во всём его существе, и которые заметны не мне одной.

* * *

Мои функции «воспитателя» заключались не так в помощи по выполнению уроков, как в наблюдении за тем, чтобы домашняя работа была организованной, без отвлечения на посторонние занятия. Я должна ненавязчиво заполнять чем-либо интересным большую часть свободного времени Егора и преподавать ему хорошие манеры.

Когда нас представляли друг другу, отец сказал:

– Марина Андреевна будет учить тебя тому, чему не учат в школе или учат недостаточно хорошо. Любые вопросы, которые тебя будут интересовать, задавай Марине Андреевне. Она ответит тебе на них более полно, чем я или учителя.

Вот таким образом меня поставили в положение всеведущей, и, скажу честно, приходится соответствовать.

Поначалу никаких вопросов просто не поступало. Егор отбывал повинность выполнения уроков и только и ждал, когда же я слиняю и оставлю его одного. Мне пришлось провоцировать его любознательность всеми возможными способами. Похоже, отроку всё же понравилось, как я рассказываю о том, о чём знаю, и как нахожу – и учу его находить – ответы на любые вопросы. Что-то я откапываю в своей памяти и жизненном опыте, что-то – в познавательных программах телевидения, в научно-популярных фильмах, что-то мы ищем с ним вместе в книгах и энциклопедиях, которыми забит дом. Вспоминаю часто по этому поводу предел мечтаний советского родителя – «Детскую Энциклопедию», выглядящую простой газетой рядом с нынешними изданиями... И, конечно, в интернете...

Кстати, вспомнила я, на днях отец Егора пожаловался, что сын был замечен в выходах на порносайты.

– Как с этим быть? – Спросил он меня.

– А как вы поступили? – Задала я встречный вопрос.

– Первым делом хотелось наорать и запретить, но я сдержался... С трудом, но сдержался. – Добавил он после паузы. – Ваше влияние распространилось и на меня.

– И?..

– И вот, жду вашего совета.

– То есть, вы ничего Егору не сказали?

– Я сказал, что Марина Андреевна тебе всё объяснит, а пока убери это.

– И что Егор?

– Он очень просил вам не говорить.

– Ладно, – сказала я, – вы мне ничего не говорили. Я подумаю, как с этим быть.

Этот разговор состоялся в прошлую пятницу.

Я решила, что можно бы сегодня и начать.

* * *

Приведя себя в порядок, я отправилась к Егору.

Тот сидел за компьютером и что-то читал.

– Мы же договаривались, что перед уроками ты будешь ровно полчаса гонять балду.

– Я хотел узнать про Тибет. – Он посмотрел на меня с извинением во взгляде.

– Ладно, сегодня у тебя, по крайней мере, рабочий день короткий был. А что это тебя на Тибет занесло?

– Так наш Андрей только что оттуда вернулся! – Егор заметно оживился. – Вы что, не знали?

– Нет, не знала. Это интересно. И что ты выискал?

– Ну, пока так, общие сведения.

– Это о своей поездке Андрей обещал тебе рассказать?

– Ага. А вам интересно?

– Ага! – Сказала я с нажимом.

Глянула на парня – отреагирует или нет? Отреагировал: хлопнул себя по лбу:

– Простите.

Я улыбнулась.

– Может, тогда подождём рассказа Андрея? Мне кажется, живые впечатления интересней самых интересных книг.

– Я тоже так думаю, – сказал Егор и закрыл страницу.

– Пустишь на минутку? – Попросила я. – Проверю свою почту.

Он встал с кресла, я проверила почту, получив одно письмо со спамом и записку от подруги о том, что она будет три дня в офлайне, а когда вернётся с каких-то там островов, сразу напишет мне.

– Давай-ка, застолбим Тибет на всякий случай, занесём его в «избранное». – Я приступила к осуществлению своего плана.

Потом я открыла «журнал» и увидела там несколько адресов тех самых сайтов. Кликнула на один из них – открылась соответствующая картинка.

– Это ещё что?! – Сказал Егор за моей спиной, явно нервничая. – Ф-фу, гадость!

Я спокойно стала объяснять, что, возможно, эти картинки прицепились к какому-нибудь сайту сами собой, по причине непорядочности их владельцев – бывает такое, говорю. А сама кликаю новую и закрываю их по очереди.

– А ты ещё этим не интересуешься? – Спросила я будто между прочим.

– Не-а. – Говорит он, пытаясь придать голосу одновременно и пренебрежительные нотки, и убедительность.

– Ну и правильно. Это всё для... как бы это покорректней выразиться?... для обиженных людей. – За моей спиной сопение, я кожей чувствую, что от меня ждут продолжения. – Подобные сайты предназначены для тех, кто обделён реальным общением, реальной дружбой, реальными сексуальными отношениями. Вот они и пытаются заменить настоящую, живую жизнь жизнью виртуальной. А есть такие, у которых, может быть, и имеется реальный партнёр, но им мало этого, не хватает чего-то поострей... Ну, да ладно, не будем их ни судить, ни позором клеймить, их право делать то, что они хотят. Правда? – Я обернулась на Егора.

Он выглядел вполне спокойным, только краска с лица сошла не полностью – щёки алели маками.

– Ну-ну. Не смущайся, мы же взрослые люди. – Я обхватила его рукой. – Единственное, чего мне жаль... Мне жаль, что такая бесценная вещь как совершенство и красота человеческого тела вот так вот разменивается на всякие низменные нужды. Ты же согласен со мной, что человеческое тело прекрасно, и им можно любоваться, как любишься, скажем, морем, горами, закатом, рассветом... Правда?

– Ну... наверное... да.

Я снова подняла на него лицо:

– Так ты не уверен? – Я не стала дожидаться ответа и сказала: – Садись-ка рядом. Сейчас что-нибудь поищем.

Егор придвинул стул.

Я положила руку ему на плечо. Он посмотрел на меня. Как только наши взгляды вошли в полный контакт, я очень осторожно сказала:

– Егор. Ты уже взрослый парень... – В его взгляде появился вопрос. – Ты превращаешься сейчас в мужчину. И я прекрасно понимаю, что с тобой происходит...

Он не отводил глаз, всё ещё не понимая, к чему это я. Очень хорошо!..

Я продолжила:

– Если тебе иногда нужно снять напряжение... – Смотрит внимательно, всё ещё не понял. – Делай это лучше с закрытыми глазами, чем, глядя на всё это... – Я кивнула на экран компьютера, который сейчас светился сиреневой луной над снежными вершинами в ожидании наших с Егором дальнейших распоряжений.

Мальчишка покраснел и опустил глаза.

– Я понимаю твоё смущение. – Я погладила его по затылку и легонько потрепала волосы. – Только знай: все мальчики и все девочки проходят через это... через взросление и через всякие вещи, которые кажутся непонятными... а иногда даже ужасными.

Егор молчал, но слушал. Он успокоился и ждал, что я скажу дальше.

– Я могла бы сказать тебе, что нужно сдерживаться... преодолевать себя... Да, конечно, нужно *уметь* владеть собой и своими желаниям. Но иногда... иногда можно дать себе слабину. И хорошо бы при этом понимать, осознавать, что ты даёшь себе слабину.

– Как это? – Спросил он, глядя в стол.

– Прежде, чем сделать что-то, чему ты не можешь противостоять, нужно спросить себя: «а я на самом деле не могу сдержаться? или всё же могу?» И если ты понимаешь, что не можешь... ну не можешь и всё тут... тогда сделай это. И сам себе скажи: «да, я сделаю это сейчас, потому что не могу сдержаться... потому что иначе меня разорвёт на кусочки. Я *позволяю* себе сейчас сделать это».

Я помолчала, продолжая легонько гладить затылок парня. Егор обдумывал сказанное. Он перевёл взгляд со стола на свои ладони, лежащие на коленях.

– Вот так, как с этим? – Он растопырил пятерни.

– Да. Именно так. – Я взяла его правую руку. – Смотри, два пальчика у тебя уцелели. А мы же начинали с одного!

Ногти на мизинце и безымянном были нетронутыми и приобретали нормальный вид.

– Ты ведь так же поступал: «эти пальцы хоть и нельзя, но, если не вмоготу, то можно... а вот эти просто нельзя! ну ни за что нельзя!» – Я чмокнула один и другой. – Видишь, какой ты сильный!

Он вскинул на меня затуманенный взгляд.

Я улыбнулась и продолжила.

– Ладно! Давай-ка поищем... альтернативу тому, что мы только что видели... Ты знаешь значение этого слова?

Егор сложил руки на столе, как прилежный первоклассник, и, глядя в экран, сказал:

– Знаю. Это запасной вариант.

– Можно и так сказать.

Я набрала в поисковике несколько слов. В итоге нам удалось выйти на подборку репродукций с изображением человеческого тела в визуальных искусствах всех времён и народов.

Мой тинэйджер, я уверена, впервые занимался разглядыванием обнажённой натуры под таким углом и в подобного рода компании.

Мы пообсуждали стили и модные тенденции разных эпох, не обойдя вниманием и параметры «девяносто-шестьдесят-девяносто».

– Какие женщины тебе больше нравятся: у Рубенса и Кустодиева или, например, у Модильяни?

– Мне понравилась девочка на шаре.

– Правда? Мне она тоже очень нравится. – Я вернулась к картине Пикассо. – А что тебя в ней привлекает?

Я была и удивлена ответом, и рада ему в одинаковой степени.

– Она такая... хрупкая и беззащитная.

– Мой ты золотой! – Я прижала его голову к своей щеке. – Ты растёшь настоящим мужчиной. Могу позавидовать той, которую ты полюбишь... Или, может... ты уже влюблён? – Спросила я и поспешила добавить: – Ты прости, если я задаю нетактичный вопрос. Ты, конечно, можешь не отвечать на него.

– Да нет, ничего... Я же тоже вам сегодня задал нетактичный вопрос.

– Правда? Какой это? – Я сделала вид, что не поняла, о чём он.

– Ну, про вашего мужа... который умер.

– А-а. Ну, ты же извинился, так что, инцидент исчерпан.

– А чтобы инци... инцидент был исчерпан, достаточно извиниться?

– Если ты имеешь дело с воспитанным человеком, то достаточно. Если получишь от него прощение, конечно.

– А если не получу?

– Тогда посложней ситуация... А что, есть конкретный пример?

– Ну, да...

– Я не смогу помочь?

– Ну... – Начал он нерешительно.

Я легко коснулась его руки и сказала:

– Старайся не нукать.

– Ага! – Согласился он.

– И не агакать.

Мы рассмеялись, и Егор взахлёб рассказал мне историю, как на прошлой неделе, на перемене он случайно сбил с ног Алиску Кирсанову...

– Алису, – поправила я.

– Ну, да Алису... ой, без «ну»... просто Алису, а она до сих пор не может мне этого простить!..

Я улыбнулась: Алиса Кирсанова – копия... точнее, оригинал тоненькой гимнастки в голубом. И схожесть их лиц удивительна – я заметила это сейчас, пристально рассматривая очень хорошего качества репродукцию. Модель, с которой писал художник, скорей всего, испанских кровей, во всяком случае, уроженка Юга. В чертах Алисы тоже ясно читаются признаки полуденных широт. С едва уловимым восточным ветром...

Она мне очень нравится, эта девочка – миловидная, хрупкая. Прилежная ученица... А вот насчёт беззащитности я бы не спешила: в ней ощущается характер, а это уже опора. Наверяд ли моему маленькому мужчине это очевидно и понятно сейчас, но, ещё совсем немного, и...

Похоже, наш парень влюблён!

– Так-так. – Сказала я. – И как же ты прощения просил?

– Как вы учили...

– Или сказал: «да ладно, не стеклянная, не разобьёшься!» А?

– Нет, честно, я сказал: «Алиса, прости, пожалуйста».

– А что Алиса?

– Она... она только хмыкнула и посмотрела на меня... как на ничтожество!

Он отвернулся в окно.

О, это было переживание!

– Хочешь, выдам тайну?

Егор впился в меня взглядом.

– Мы, девчонки, иногда своим поведением показываем вовсе не то, что чувствуем.

Правда! Ты этого не знал?

– Не-а.

– Ну, как же? А сам ты всегда своими действиями выражаешь именно то, что хочешь сказать? Например, тебе не доводилось нарочно толкнуть какую-нибудь девочку, которая тебе нравится? Или какую-нибудь обзывалку для неё придумать?

– Я Алису уже давно не обзываю! Я нечаянно её задел! – Глаза были на мокром месте от отчаяния, Егор пытался это скрыть и снова отвернулся в окно.

– Так ты ещё и обзывал Алису? – Осторожно спросила я.

– Подумаешь... Это и не обзывалка даже... «Алиса из страны чудес»! Разве это обидно?

– Нет, само по себе это не обидно. Главное, в каком контексте это прозвучало.

Егор снова заинтересованно посмотрел на меня.

– Если бы ты ей сказал наедине: «Алиса, ты девочка из страны чудес» – не думаю, что она обиделась бы.

Он отвернулся и долго молчал.

– Кретин. – Сказал он тихо.

– Что такое?

– Я орал это на весь класс.

– М-да... Надо с этим как-то быть...

– Тогда надо ещё и за это извиниться. Да?

– Мудрое решение. – Я провела по его волосам ладонью и в который раз отметила, что последние несколько дней Егор *позволяет* мне прикасаться к себе!.. – Завтра тебя ждут великие дела. Главное, не растеряй решимость.

Мы помолчали немного. По тому, как глубоко Егор вздохнул, как расслабилась спина и обмякли плечи, я поняла, что до завтра эта тема его больше не будет угнетать. Выводить из равновесия – да, вполне возможно. Но только в сторону позитива и надежды.

– Сколько уроков тебе к завтрашнему дню нужно приготовить? – Спросила я.

Егор достал дневник.

– История, математика... литература.

– Вперёд! – Сказала я.

– По литературе я готов.

– Я знаю. И проверять тебя не буду.

– По математике две задачи и по истории один параграф.

* * *

В пятом часу мы вышли во двор. Накрапывал дождь. За рулём джипа сидел Борис.

Пока Егор плавал, я опять думала об Андрее: друг семьи, внешность поэта, Тибет... Вспомнила этот немой зов обернуться и подойти... Интересная личность.

После бассейна мы собирались заехать за рисовальными принадлежностями – у Егора начинались занятия в художественном классе, который он изъявил желание посещать.

Мы вошли в магазин, и я почувствовала, что Егор тянет меня совсем не в ту сторону. Ничего не понимая, я остановилась и говорю:

– Егор, нам вот в тот отдел. – И тут же замечаю в нём Алису с мамой. – Ой, смотри-ка, мы не одни! – Говорю я, как ни в чём не бывало. – Наверно, Алиса тоже решила...

– Давайте после зайдём...

Почувствовав, что мой парень занервничал, я отвела его в сторону и сказала, что, конечно, мы можем вообще сбежать из магазина, но решит ли это нашу проблему?

– И потом, – добавила я, – я считала, что имею дело с джентльменом, и мне сейчас грустно видеть, что рядом всего лишь комплексующий, неуверенный в себе подросток.

Егор сделал попытку справиться с признаками неуверенного в себе подростка.

– Ну-ка, посмотри на меня! – Сказала я строго, даже жёстко.

Он вскинул глаза в недоумении.

Доминанта перебита. Я улыбнулась:

– Всё в порядке. Пошли!

Мы поздоровались с Алисой и её мамой, и я под каким-то предлогом завладела вниманием мамы, дав ребятам возможность остаться лицом к лицу.

По тому, как вела себя Алиса, когда позже мы все вместе делали покупки, советуясь друг с другом, я поняла, что мой отрок прощён, и, более того, в не меньшей степени интересен этой милой маленькой леди. Как я раньше этого не замечала?.. Я ведь уверена была, что Алису интересует совсем другой мальчик из нашего класса...

* * *

В машине Егор пустым взглядом уставился в тёмное окно, по которому струились редкие дождевики, и даже не надел свои наушники. Он отсутствовал, это было очевидно. Он снова и снова переживал встречу, объяснение, прощение. Всё, что он сейчас видел – я знала! – это прелестное лицо Алисы Кирсановой.

Когда мы въехали в посёлок, я решила, что пора выводить парня из бессознательного состояния, и легко коснулась его руки. Он, словно очнувшись от сна, повернулся ко мне. И вдруг уткнулся лицом мне в плечо. Я молча прижала его к себе и гладила по волосам.

Машина остановилась около дома. Водитель, как и положено, замер, ожидая распоряжений.

Я подняла лицо Егора. На ресницах блестели слёзы, он не смотрел на меня.

– Борис, пожалуйста, оставьте нас на минутку, – тихо сказала я.

Водитель вышел. Я отёрла глаза мальчишке, поправила волосы и поцеловала в лоб.

– Вы не могли бы... – Начал он хриплым голосом. – Не могли бы остаться сегодня у нас?

– Почему бы нет? Если папа не будет против.

– Конечно, не будет! – Егор оживился. – Он даже не будет против, если вы у нас всё время будете жить!

– М-м... Не знаю, не знаю...

– Я знаю! – Парень с надеждой смотрел на меня.

– Хорошо, давай отложим этот разговор, ладно? А сегодня я останусь с тобой.

Отец Егора вышел из гостиной в прихожую нам навстречу. Это не было рядовым явлением – обычно он возвращался не раньше десяти вечера, если возвращался вообще.

В домашнем он выглядел особенно привлекательно. Ему, как и любому мужчине, безусловно, шли деловые костюмы, но официальная одежда делала его... делала его другим. Я-то знала – видела, чувствовала – что это человек с гораздо более богатым внутренним миром, чем среднестатистический бизнесмен подобного уровня, что за манерами, присущими его положению, скрывается другой пласт его натуры. Я лелеяла надежду, что когда-нибудь нам доведётся стать ближе.

Иногда я завидовала той женщине – а в её существовании сомнений у меня не возникало – с которой он проводил добрую половину свободного времени, и ловила себя на мысли, что не прочь бы и с ней познакомиться. Зачем? М-м-м... Чтобы оценить: достойна ли она этого мужчины, его ребёнка... Конечно, у меня и мысли не возникало влюбиться в своего работодателя! Но он импонировал мне как личность и был очень... очень привлекательным мужчиной...

– Добрый вечер, – сказала я.

– Добрый вечер, – ответил он и внимательно поглядел на сына. – Как дела, малыш?

Малыш поднял на отца сияющее лицо, на котором и следа не осталось от недавних переживаний и слёз, и сказал:

– Классный денёк, па! – Скинул кроссовки и дунул по лестнице. – Наверху он вспомнил о чём-то и слетел вниз. – Па, можно?..

Как раз в этот момент его отец приглашал меня на семейный ужин с близким другом, который вернулся из дальнего путешествия, и предлагал мне остаться сегодня ночевать в доме.

Егор смотрел на меня выжидающе, и, когда я сказала: «спасибо, с удовольствием», – подскочил на месте и с криком «ура!» через три ступеньки понёсся к себе.

Я справилась, во сколько ужин, и сказала, что зайду домой, приведу себя в порядок и вернусь. Хозяин настоял на том, чтобы Борис отвёз меня, и, поскольку шёл дождь, я не стала отказываться.

– Форма одежды? – Спросила я, выходя на крыльцо.

– Самая соблазнительная, – улыбнулся Сергей Егорович.

Приятно будет провести неформальный вечер в обществе двоих незаурядных мужчин... Трёх незаурядных мужчин, – поправила я себя и тут же вспомнила недавнюю сцену в машине. На глаза едва не навернулись слёзы.

* * *

В объявлении, на которое я случайно...

Ну да, конечно, ничего случайного на свете не бывает, я знаю! Если какое-то событие, какой-то штрих нашего бытия по всем параметрам выпадает из обыденности, нужно вслушаться в него, как можно внимательней: вполне вероятно, что за ним последует ещё одно незаурядное происшествие, а то и ещё одно. Тогда с большой долей вероятности можно быть уверенным, что это начало ярких перемен, а случайности – лишь предвестники их. Судьба звонит и дважды, и трижды... и «семижды семь». Но если ты не услышишь – твои проблемы, что называется.

Это я знала из теории, но, конечно же, всё произошедшее в то утро, сложила в цепочку гораздо позже.

Первой случайностью стало моё желание раскусить лесной орех – накануне я ни с того, ни с сего купила на рынке пакет фундука, притом, что обычно покупаю чищенные орехи. А тут мне вдруг показалось, что горка сочно-коричневых ядрёных, шелковисто лоснящихся орешков украсит мою кухню...

Вторая случайность. Мои от природы крепкие зубы не выдержали довольно тонкой кожуры аппетитного орешка – от нижнего зуба откололся крохотный кусочек.

Я собиралась в магазин, и моя дорога *совершенно случайно* проходила мимо стоматологической клиники.

Когда я заглянула туда на удачу, *совершенно случайно* оказалось, что через пятнадцать минут освобождается один из докторов, и по записи к нему никого нет.

Я присела в кресло в ожидании, когда освободится доктор, и *совершенно случайно* мой взгляд упал на газету объявлений, которую я зачем-то взяла в руки, хотя никогда не читала подобных изданий.

В объявлении, на которое я *случайно* наткнулась, значилось: «Требуется воспитатель для подростка: одинокая женщина, не моложе сорока лет, высшее педагогическое образование, владение компьютером, широкий круг интересов. Проживание в доме подростка. Тел. ...»

Я не искала работу – моя меня вполне устраивала. Менять образ жизни даже отдалённо не входило в мои планы. Почему я позвонила?.. Возможно, моё подсознание само просчитало слишком большое количество случайностей на одно отдельно взятое утро, и подало сигнал моей интуиции... А с интуицией, как я уже сказала, я дружила всегда.

Мне назначили встречу. После двадцатиминутной беседы отец того самого подростка, нуждающегося в воспитателе, пожал мне руку и сказал:

– Я позвоню вам в любом случае.

Разумеется, я не ждала звонка так скоро! Тем не менее, Сергей Егорович позвонил в тот же вечер и сказал, что хочет познакомить меня с подопечным. Договорились на завтра в кафе, за ланчем.

Когда я увидела Егора, то первым делом подумала, что нужно быть слишком самоуверенным педагогом, чтобы питать надежду на успех. Подросток был дёрганный, ни о каких манерах речи не шло, и плевать ему было на то, что там задумал его папаша.

«Вот эта тётка будет моим воспитателем? Ну, пусть будет, мне до лампочки! Эта, другая – чихать я хотел на ваше воспитание со всеми воспитателями вместе взятыми!» – примерно об этом заявлял он всем своим видом.

Когда папаша закончил представление нас друг другу, дитё засунуло себе в уши по затычке и задёргалось в ритме какого-нибудь очередного музыкального супершедевра. О том, как он поглощал пищу, не стоит даже рассказывать.

Только вот его обкусанные ногти больно резанули по сердцу – я-то знала, что это значит...

После обеда меня отвезли показать дом и дали право выбора: жить тут или отдельно, неподалёку.

– Если у меня действительно есть выбор, я буду не против отдельного жилья, – сказала я.

Когда мне объявили о зарплате, я едва устояла на ногах, но сделала вид, что она вполне в пределах моих ожиданий.

Потом, как я говорила, мне дали некоторые инструкции касательно формы одежды и выдали наличность для скорейшей реализации рекомендаций – до начала работы оставалось две недели.

И вот он, сегодняшний день со всем его содержимым...

* * *

Борис привёз меня назад, и я ещё раз смущённо поблагодарила его. По-моему, ни он, ни второй водитель, ни приходящая домработница, не могут понять: за что я виновато благодарю каждого всякий раз – это же их работа. И притом далеко не за «спасибо».

Я постучалась в комнату Егора.

Он сам открыл мне, а не крикнул, как обычно «да!», «открыто!» или что-нибудь в этом роде.

– Какая вы красивая! – Он замер на пороге, воззрившись на меня. А ведь уже один раз ему довелось видеть меня в вечернем наряде. Но это было невесть как давно – целых три недели тому назад.

– Спасибо, мой хороший. Ты тоже блестяще выглядишь. – На парне костюм по всем правилам и рубашка с галстуком.

Помню, когда мы покупали этот костюм для первого сентября, он сказал:

– Да я лучше удавлюсь, чем одену эту гадость!

– Надену, – поправила я.

Егор уставился на меня:

– Что – надену?..

Я объяснила парню, в каких случаях нужно говорить «одену», а в каких – «надену».

Это был, пожалуй, самый первый урок, преподанный мной ему.

– С галстуком сам справился? – Спросила я.

– Посмотрите... пожалуйста.

Я проверила – узел завязан безукоризненно, причём узел сложный, двойной.

– Отлично! – Я провела по его волосам и уловила едва заметное движение головы: так котёнок прижимается к руке, глядящей его. – Во сколько велено быть в гостиной?

– В девять.

– У нас есть... – Я посмотрела на его будильник. – У нас есть семнадцать минут. Чем займёмся? Можно сесть?

– Ой, да. Конечно, простите, я должен был предложить вам.

Меня забавляло и удивляло, с какой охотой и быстротой он усваивал язык галантности. Впрочем, если бы это не было созвучно его натуре, навряд ли мои старания увенчались бы столь скорым успехом...

Я села на диван, он – к рабочему столу.

– Ну, что, вызвать тебя завтра на моём уроке?

– Не знаю...

Егор крутился туда-сюда в своём чёрном кожаном кресле.

Я не стала напоминать ему о манерах – иногда хорошими манерами можно пренебречь ради хорошего настроения. И ещё меня порадовало, что он чувствует себя вольно в моём присутствии – не так, как прежде, ещё совсем-совсем недавно...

– Хочешь блеснуть? – Подзуживала я.

– Вообще-то я готов...

– Ладно, давай договоримся так: если ты решишься, то поднимешь руку.

– Угу. – Сказал он, и тут же, без паузы: – А Алиса простила меня.

– Я поняла это. И я очень рада! А скажи, у вас с ней официальная дружба?

– Как это? – Удивился Егор.

– В моё время мальчики делали девочкам предложение, если хотели дружить с ними. Например, в записках. Или на словах.

– Нет, я не делал... А для чего?

– М-м-м... Резонов может быть несколько. Ну, например, если девочка даёт согласие на дружбу, то мальчик может быть уверен в том, что тоже интересен ей, и тогда он гораздо меньше времени тратит на ненужные переживания. Хотя... – оговорила я, – от переживаний далеко и надолго не уйдёшь... Потом, такие отношения, как правило, в меньшей степени подвержены насмешкам друзей и подруг: какой смысл насмешничать, если никто ничего не скрывает, правда же? Такая смелость, кстати, поднимает обоих в глазах их окружения.

Егор только рот не открыл, слушая меня. Разумеется, я прекрасно знала, что нынче отношения между полами строятся в совсем другом «формате», нежели тридцать лет тому назад, и так же отличаются от тех отношений, как принятые в моей юности от бытующих в позапрошлом веке. Потому мои объяснения и вызвали такой интерес у парня.

– Понимаешь, о чём я?

Он кивнул.

– Конечно, твоё предложение накладывает на тебя и определённые обязательства. Например, тебе нужно будет контролировать свои отношения с другими девочками, чтобы не ранить чувства той, другом которой ты себя объявил. И, разумеется, уделять ей больше внимания, помощи... Короче, стать джентльменом для своей леди.

Егор молча кивнул всё с той же сосредоточенной миной.

– Вот и хорошо. – Я улыбнулась. – А сейчас я твоя леди, ты мой джентльмен, и нам пора.

– Марина Андреевна...

– Да, Егор?

– Вы сказали про переживания... что от них далеко и надолго не уйдёшь...

Да, мальчишка мой – как губка: всё тянет в себя, ничего от его внимания не ускользнёт...

– Увы, это так. – Я задумалась. – Хотя, если посмотреть с другой стороны, то, возможно, надо бы сказать не «увы», а «к счастью».

– Почему – к счастью?

– Потому, что переживания всегда влекут за собой размышления над происходящим, над нашим отношением к происходящему и к нашим поступкам. А размышления это неплохо само по себе...

– Это формирование собственного мнения, – перебил он и вопросительно и несколько смущённо, как мне показалось, посмотрел на меня.

– Совершенно верно. – Я улыбнулась и сказала: – Нам пора.

Егор поднялся, открыл передо мной дверь, подал руку, и мы спустились в гостиную.

Его отец и Андрей уже сидели за столом. Увидев нас, входящих рука об руку, они встали и замерли на какое-то время с удивлением на лице, которое то ли не сочли нужным, то ли не успели скрыть. Я их понимала – мы с Егором являли пару что надо.

– Добрый вечер, джентльмены.

– Добрый вечер, – ответили они в голос.

Егор усадил меня напротив отца, а сам сел лицом к Андрею.

Андрей занимал нас рассказами. По большей части, они были рассчитаны на Егора, но не меньший интерес вызывали и у меня. Сергей Егорович, вероятно, слышал их не впервые и внимал другу вполуха, витая в своих мыслях.

В десять я проводила Егора в комнату, и он уточнил, ночью ли я у них. Услышав утвердительный ответ, он снова обрадовался, хоть я и не могла понять: почему это вызывает у него такой энтузиазм? В следующий раз обязательно спрошу его...

Пожелав Егору спокойной ночи, я вернулась к мужчинам.

Они сидели теперь в креслах и пригласили меня присоединиться к дегустации какого-то вина, привезённого Андреем – правда, не Тибетского и не Индийского, а Австралийского, купленного им в аэропорту.

Я сказала, что ничего не смыслю в напитках, кроме «нравится – не нравится».

Тем лучше, сказали они, и Сергей налил понемногу в бокалы. Я, наблюдая за их движениями, повторила необходимые, по всей вероятности, манипуляции и сделала маленький долгий глоток. Мужчины, прикрыв глаза, вдыхая через рот, выдыхая через нос, а потом наоборот, что-то там анализировали.

– М-да. – Сказал Андрей.

– М-да. – Повторил Сергей.

– М-м-м... да-а-а... – Сказала я и засмеялась. Потом добавила: – Вкусное вино. Только, пожалуйста, не переводите его на меня, если оно какое-то особенное. У вас есть что-нибудь для простолюдинов, вроде меня?

– Нет, вы будете пить именно это, – сказал Сергей и долил в мой бокал.

Себе они налили коньяк.

Весь вечер звучала незнакомая мне музыка, и я всё порывалась спросить – что это и кто это. Мне показалось, теперь настал подходящий момент.

– Это музыка нашего дорогого Андрюши, – ответил Сергей.

Я с удивлением посмотрела на Андрея.

Он улыбнулся:

– Вы же сами сказали, что я больше похож на поэта, чем на водителя.

– Правда? – оживился хозяин дома. – Вот так тебя сразу и раскусили? Хотя, что я... Это же не просто женщина!.. – Он постарался вложить в произносимые слова всё своё восхищение мной.

– Да, я не просто женщина, я психолог, – замялась я.

Прекрасно зная все тонкости этикета, отвечать на комплименты я не научилась до сих пор...

– Я вовсе не это имел в виду, – улыбнулся Сергей. – Ладно, дорогие друзья, – сказал он, вставая, – я вынужден откланяться, прошу меня простить.

Мы остались вдвоём. Я слушала музыку и смаковала вино. Оно было вкусным – ароматным и в меру терпким – больше я ничего сказать не смогла бы.

А музыка завораживала. Очень разная по структуре, по... по насыщенности, что ли... То звучал один-единственный инструмент, то едва ли не сводный духовой оркестр вместе с симфоническим, налетев, затирали, сметали трепетную ноту, повисшую в пространстве... Местами вступал мужской голос, без слов. Он словно задавал новое направление, музыка меняла течение, тональность, и голос уходил, растворялся. Потом снова...

Андрей сидел молча, глядя перед собой, вероятно, не желая мешать мне слушать. Возможно, это была своего рода медитация, и я тоже не решалась нарушить покой, хоть мне и хотелось поговорить.

Когда музыка стихла, мы одновременно посмотрели друг на друга. В его взгляде мелькнуло что-то, что заставило меня отвести свой.

– Так вы – музыкант... композитор.

– И композитор, и исполнитель, – сказал он. – Мы с Сергеем оба музыканты, одно училище окончили. Там и подружились.

Я посмотрела на Андрея с удивлением:

– И Сергей Егорович тоже?..

– Да. Только потом он ушёл в бизнес и перенёс туда свой креативный склад природы. Как оказалось, для успеха любого дела необходим творческий подход.

– То-то я удивлялась... какой-то нетривиальный бизнесмен мне встретился.

– А потом такой же водитель.

– Да, – я улыбнулась, – такой же водитель... Мне очень понравилась... Нет, это не то слово. Ваша музыка удивительная. Вы дадите мне послушать?

– С удовольствием.

– Странно, что Егор мне ничего не рассказывал. Мы ведь с ним и о музыке говорим.

– Я совсем недавно, перед поездкой, закончил работу. Над всеми тремя дисками. Шесть лет ушло, пока я всё это сочинял и шлифовал. Вот вернулся, прослушал *чистыми* ушами и понял: всё, готовый продукт.

– Мне очень интересно, что вы делали там...

– У нас есть время, – он улыбнулся. – Я расскажу. В обмен на ваш рассказ.

– О чём? – Я посмотрела на Андрея.

– О том, как вам удалось чудовище в ангела...

– Не преувеличивайте... – перебила я его.

– Но это же совершенно другой ребёнок! – Настаивал Андрей.

Я стала серьёзной. Точнее, лёгкость ушла...

– Да. Он меняется. – Сказала я. – Только здесь никаких чудес, всё очень просто: любому живому существу нужно лишь одно – любовь. И дети – вовсе не дьявольские манипуляторы, как часто считают взрослые... На самом деле, чем более неуправляемо и агрессивно поведение ребёнка, тем с более беззащитным существом мы имеем дело. Внутри они перепуганные маленькие существа, сжавшиеся в комок и умирающие от страхов, которые нам и представить себе невозможно... Ведь свои собственные детские страхи мы стараемся подавить или забыть...

Я разволновалась до дрожи в голосе. С чего это?.. Сегодняшний день – такой долгий и наполненный, что-то новое, появившееся в поведении Егора, чего я никак не могу истолковать... Что-то происходящее со мной, чему я тоже не нахожу объяснения...

Андрей молчал. Мне стало неловко от собственной несдержанности. И я добавила уже более ровным голосом:

– Детей нужно нежить, ласкать, целовать, тогда уходят страхи и прорастает гармоничная личность.

– Но на это далеко не каждая мать способна, – сказал мой собеседник тихо.

– Мне, конечно, приятно слышать это, но... я не могу иронизировать на тему Егора... пока не могу... мне больно. – У меня и вправду сжалось всё внутри. – Простите.

– Это вы простите. – Голос Андрея напрягся. – Я взял не ту тональность в разговоре о нём. По правде, он мне не чужой. И я очень рад тому, что с ним происходит... нет, не так... я рад, что в его и в нашей жизни появились вы. – Он улыбнулся своей обычной едва заметной улыбкой.

– Я тоже рада нашей встрече, только вот... – Я чуть было не проговорила о своих опасениях, которые стали одолевать меня в последнее время, но не стала продолжать.

– Только вот?.. – Андрей смотрел на меня, и мне показалось, что он *знает*, о чем я.

– Нет, не сейчас.

Я хотела спросить о матери Егора: кто она, где? Если Андрей – близкий друг семьи, он наверняка знает... Но сменила тему:

– А у вас есть дети?

– У меня... нет.

– Простите. – Его короткая заминка отрезвила меня. – Других учу, а сама... Это нетактичный вопрос.

– Мы теперь не чужие друг другу... до определённой степени. Поэтому некоторые вопросы переходят в разряд насущных. Вы согласны со мной?

– До определённой степени.

Мы замолчали. Пора идти спать. Расставаться не хотелось, но рано или поздно это следовало сделать.

– Ну, что, до завтра? – Решилась я.

– До завтра, – сказал Андрей, поднялся из кресла и протянул мне руку.

* * *

Я легла в холодную, пустую постель.

Уже почти пять лет это – обыденная реальность моей жизни, но почему-то именно сегодня я подумала об этом: о пустой, холодной постели. Почему?.. Вместо ответа на память пришёл ещё один не столь давний из ряда вон выходящий случай.

После первой беседы с моим потенциальным работодателем мне приснился сон – впервые за последние годы всколыхнувший моё женское естество. Некий мужчина, очень приятный мне, пытался склонить меня к близости. Мне хотелось ответить ему взаимностью, но я боролась с собой, не будучи при этом способной разобраться, кому же я не желаю изменить: мужу или любовнику? Я уговаривала себя во сне, что ни один из них не узнает, я смогу скрыть от каждого, но я должна это сделать, должна, я хочу этого...

Проснувшись, я пыталась вспомнить, что за мужчина был в моём сне, но образ расплылся, оставалось лишь острое чувство нашего с ним взаимного притяжения и желания физической близости.

Что могло спровоцировать этот сон? Не встреча же с крутым бизнесменом, показавшимся мне симпатичным мужчиной!..

Я написала Элке.

«Это весна, милочка моя!» – ответила Элка. – «Я рада за тебя! Выйди в чат.»

Я вышла. И вот такая «беседа» у нас получилась.

Я: *привет. и чему же это ты так рада?*

Э: *весной повеяло!*

– *весна не бывает осенью.* – Грустно пошутила я. – *а осень-то не только на дворе...*

И тут она напустилась на меня со свойственной ей горячностью:

– *сейчас я начну кричать, приготовься!* (смайлик) *весна это не время года, это состояние души! это состояние роста, развития, движения!!! а твоя весна только началась!*

– *только – это когда?*

– *когда после гибели петра ты начала жить осознанно!*

– *и что – сейчас новая фаза весны?* (смайлик)

– *скорей всего! дух всегда тянет за собой плоть, не мне тебе рассказывать! дохлый дух – дохлое тело.* (смайлик) *а бодрый дух – весна в членах!* (смайлик)

Что напомнило мне об одиночестве теперь? Беседа с приятным мужчиной, оказавшимся близким по духу и помстившимся мне симпатичным?..

Элкина теория «весны в членах» вполне объясняла моё состояние. Но это объяснение не отменяло лёгкого привкуса горечи и ощущения тоски, тонкой нитью перехватившей горло...

20.10.2005. Четверг.

Утром домработница передала мне записку:

«Марина Андреевна!

Очень прошу Вас приехать сегодня в мой офис в 16 часов. Мне нужно с Вами поговорить. Разговор отложить не могу. Вечером, не возвращаясь домой, улетаю на две недели.

Спасибо.

С.»

* * *

Егор слушал музыку.

Андрей вёл машину. Я поглядывала в зеркало, но почему-то оно оказалось повернутым таким образом, что глаз водителя не было видно, только губы и подбородок. Может быть, я сижу не так, как обычно?.. Да нет, место то же... Я попыталась чуть-чуть сгорбиться – выше носа водителя ничего увидеть не получалось.

Поёрзав, я остановилась на губах Андрея: пусть будет. Зато можно смотреть на них, не отводя взгляда.

Мне нравились его губы. В них виделось что-то... что-то французское. Особенно, когда он говорил. Впрочем, нет, вот так – сомкнутые – тоже...

Я попыталась представить себе, как они целуют женщину. Ничего не получилось... Для того чтобы представлять себе такое, нужно уметь влюбляться. Нужно хотя бы уметь видеть в мужчине мужчину. А я давно уже стала... как выразилась моя Элка, гендерно нейтральной... Как арктическая пустыня...

* * *

Мы вышли вместе с Егором. Первый урок у него – мой.

Прямо не знаю, что делать: на каждом уроке – и по русскому, и по литературе – начиная со вторника, мальчишка просится к доске. Других желающих нет, приходится вызывать его.

Справилась в учительской: как по другим предметам? Общая тенденция роста оценок по гуманитарным дисциплинам. Математика, химия – средне, а вот по физике – пятёрки. Попыталась физика, встретив его вчера в коридоре: не завывает ли он Егору оценки?

Дело в том, что папа Егора – один из основных доноров школы, и я опасаюсь, что за материальные даяния ему будут платить завышенными оценками сына.

Физик обрисовал картину так. У моего подопечного живой, экспериментаторский ум, расположенный к абстракции и парадоксу, но пониженная способность к точным наукам. Ставить по физике тройку за то, что парень не силён в формулах, но при этом изобретает новый опыт для определения теплопроводности жидкостей, он, Евгений Моисеевич, не может и не будет!

– Вспомните двоечника Роберта Вуда! – Возбуждённо говорил он мне. – Да того же Эйнштейна!.. Он ведь тоже не из отличников!

И физик напомнил мне фразу великого учёного – её я знала очень хорошо. Эйнштейн сетовал на то, что современные – современные ему! – методики преподавания душат святой дух исследования, который нуждается в свободе, а не в принуждении, и что без свободы этот дух непременно зачахнет. Печально, что эти слова вот уже полвека остаются актуальными...

Кроме всего прочего, Евгений Моисеевич заметил, что в этом году Егор стал прилежней относиться к учёбе вообще. В предыдущие годы он был более спонтанным: есть настроение или интерес – пятёрки, нет такового – ставьте двойки, мне чихать.

Я поблагодарила учителя за информацию.

Прочие подробности узнаю на родительском собрании.

* * *

После своего урока я решила побыть на воздухе – последние тёплые деньки. Скоро зима, которая вот уж не первый год стала нагонять на меня если не тоску, то грусть. Хотя с моей новой жизнью, похоже, не до мерехлюндий будет...

Я спустилась к реке и побрела по набережной.

Что там босс хочет мне сказать? Разговор, похоже серьёзный, а не просто указания на время отсутствия – в этом случае хозяину достаточно телефона или листа бумаги и ручки. Что-то случилось?.. О его отъезде я знала ещё во вторник, так что поездка запланированная. «Разговор отложить не могу». Значит, есть тема... Ладно, дождёмся шестнадцати часов.

Егор. Он всё больше становится мне небезразличен... Нет. Не так... я не могу сформулировать это словами. У меня начинает болеть душа. Не *за* него, а *о* нём. Что это? Как это называется и что означает?.. Мой довольно богатый опыт психолога не способен подсказать ответ – и именно это и озадачивает.

Андрей. Что за роль он играет в этой семье? Друг – понятно. Но друзья живут в своих домах, а навещают по случаю. Он, похоже, постоянно обитает в доме Сергея. Водителем работает – деньги зарабатывает у богатого приятеля?..

* * *

Андрей стоял на самом верху лестницы, по которой я поднималась в школьный сад, пребывая в размышлениях подобного рода. Он был совершенно спокоен, но у меня вырвался вопрос:

– Что-то случилось?

– Нет. Почему вы решили?

Я поднялась, и мы стояли рядом.

– Потому, что вы тут стоите и меня ждёте, – сказала я.

– Я видел, что вы пошли на набережную, и тоже захотел прогуляться. А потом не решился вторгаться в ваше одиночество... Вы пребывали в серьёзных раздумьях.

– С чего вы взяли? – Я засмеялась. – У меня озабоченное чело?

– Да нет, на вашем челе заботы не отразились... Но вы же всё-таки думали о чём-то?

– Человек всегда о чём-то думает. – Я направила к своей скамейке.

– Смею вас разубедить.

– Вы имеете в виду медитацию?

– Не только это... Но вы сейчас не просто думали, вы решали проблемы. Я прав?

– Да, вы правы. – Сказала я, и во мне поднялось что-то, не слишком присущее мне, хотя профессионально хорошо знакомое. – Не вздумайте убеждать меня в том, что вы провидец или экстрасенс... или как там это у вас называется...

– У нас – это у кого? – Он улыбался.

– У вас, у тибетцев. – Мне становилось стыдно за себя, и я засмеялась. – Простите, это так... нервы...

– Вот-вот. – Сказал с улыбкой Андрей. – Я об этом. Что-то вас выводит из равновесия.

– Вам сказать? Или сами... прочитаете? – Я села на скамью и воззрилась на кладбищенский сад.

– Я не люблю вторгаться в чужое.

– Но умеете, правда?

– Умею. – Очень серьёзно ответил он.

Именно в этот момент мои интуитивные догадки обрели статус уверенности.

– Можно отгадать, когда вы впервые вторглись в *моё*?

– Отгадайте. – Андрей повернулся ко мне лицом и закинул руку мне за спину, положив её на спинку скамьи.

Это начинало походить на соревнование двух петушистых подростков.

– В понедельник, – сказала я так, словно озвучивала приговор партнёру по шахматам: «мат». – Когда я сидела вот на этом самом месте.

Он улыбнулся. Мне показалось – удовлетворённо и снисходительно одновременно.

– И в понедельник тоже. Но впервые это произошло гораздо раньше.

– Но мы знакомы только с понедельника... – Я была в замешательстве и не сумела этого скрыть.

– Это вы со мной знакомы с понедельника.

Андрей смотрел на меня с такой открытой улыбкой, словно говорил: ну, полно, хватит, оставим это, я сдаюсь.

Я, не находя, что сказать, молчала и ждала.

– Марина, – сказал он серьёзно. – Когда Сергей передал мне ваш с ним разговор по видеосвязи, я тут же ответил ему: это то, что нужно... – Он осёкся и смущённо извинился: –

Вы уж простите за такую формулировку... Дело в том, что мы давно искали воспитателя для Егора... Я присутствовал при всех беседах. А потом вот улетел. Когда появились вы... Ну, короче, я сказал: это она. И не ошибся.

– Это чутьё, опыт или что-то ещё?

– И то, и другое, и третье.

В кармане зазвонил телефон, напоминая о конце занятий Егора. Почти сразу раздался школьный звонок.

Мы поднялись и направились к машине.

– Вы свободны в районе четырёх? Меня босс в офис приглашает.

– Я в курсе. Я отвезу вас, – сказал Андрей.

* * *

Без пяти четыре я вошла в приёмную. Секретарь предложил мне присесть и заглянул в кабинет директора.

Сергей Егорович проводил меня к низкому столику с креслами, давая понять, что разговор будет не совсем деловой, и для него требуется более непринуждённая обстановка. Он сел напротив меня, опершись локтями о колени и сцепив пальцы, тем самым вольно или невольно выдав волнение и напряжение.

Он молчал, я ждала.

Вошёл секретарь и поставил перед нами по чашке горячего чая, блюдце с тонко нарезанным лимоном и вазу с конфетами. Я поблагодарила его, а Сергей сказал:

– Виктор, пожалуйста, ни звонков, ни визитов. До семнадцати. И предупреди Сергея, что в семнадцать-пятнадцать мы выезжаем.

– Хорошо, – сказал Виктор и вышел.

М-да, подумала я, час на беседу – это серьёзно.

Сергей бросил кружок лимона в чай и слегка придавил его ложкой. Потом сделал маленький глоток. Поставил чашку и поднял на меня глаза. Он сидел всё в той же позе.

– Марина Андреевна... – Начал он. – Я нервничаю, как вы видите.

– Я тоже, – улыбнулась я. – Может быть, даже больше, чем вы.

Это была уловка.

– Правда? – Усмехнулся он. – Вы-то что? Впрочем, понимаю... босс вызвал в офис, сам сидит, молчит, нервничает...

Перебивка сделала своё дело: Сергей заговорил, хоть и волнуясь, но связно и делово. Иногда он делал долгие паузы – то ли для меня, чтобы я усвоила сказанное, то ли для себя, чтобы собраться.

– Начну с того, что я вам бесконечно благодарен за сына. Вы делаете чудеса... Не перебивайте меня. И не пытайтесь разубедить, результаты вашей работы очевидны. Так вот, мой сын... Он рос без матери, им занимались бабушки-дедушки. Сам я занимался бизнесом. Когда я опомнился, что ребёнок – это не кошка или собака, которых можно отдать в добрые руки, ему было уже девять. Он был порой совершенно неуправляем. Наступали затяжные периоды, по неделе, по две... Тогда казалось, что это навсегда... Все его хорошие и просто редкие качества перечёркивались диким необузданным поведением, дерзостью... А ведь он очень чуток к чужим переживаниям, очень отзывчив и даже жертвенен...

Сергей Егорович говорил, словно по писаному – в том смысле, что все черты характера Егора и его поведение укладывались в классическое описание тех самых, *новых детей*, которые с конца семидесятых, начала восьмидесятых годов стали появляться на всех континентах. Мы с мужем занимались этим феноменом вдвоём, и его диссертация, так и оставшаяся незащищённой, всё ещё не отпускает меня...

– Я забрал Егора к себе, невзирая на вопли родителей. Аргументов против у них хватало, как вы понимаете... Но у меня уже было крепкое дело, стало быть, деньги, был удобный дом... появилось какое-никакое свободное время. Но нам с Егором не хватало того контакта, который естественен в случае, если ребёнок растёт с отцом. Да, номинально я числился его родителем, но я не знал своего сына. Я, конечно, был в курсе, какое он любит мороженое, какие игрушки, какие одёжки, но не больше. – Сергей замолчал, отпил из чашки и, поставив её на место, откинулся на спинку кресла. – Вы можете спросить: почему я не женился, не привёл в дом женщину, которая смогла бы, если не стать матерью моему сыну, то хотя бы помочь в его воспитании.

Он поднял взгляд, я смотрела на него очень внимательно.

– С вами удивительно легко... – Сергей улыбнулся и продолжил. – Вчера утром, за завтраком, Егор сказал мне вот что. – Он снова помолчал и отпил из чашки. – Егор сказал: папа, женись на Марине Андреевне, я хочу, чтобы она стала моей мамой.

Я опустила глаза и едва сдерживала слёзы. Конечно, ещё до того, как Сергей закончил фразу, я знала, что услышу именно это. Передо мной пролетели события последних дней: не во всем понятное мне тогда поведение, взгляды, вопросы и просьбы Егора – и сложились в цельную картину, финалом и квинтэссенцией которой стали только что произнесённые его отцом слова.

Сергей выждал, когда я справлюсь с собой.

– Я женился бы на вас... – Он осёкся. – Простите!.. Я хочу сказать, что так или иначе я сумел бы... или очень постарался бы сделать всё, чтобы завоевать вашу любовь... Я полюбил бы вас... не по просьбе сына, поверьте, вы восхищаете меня... во всех отношениях... – Он смотрел мне в глаза. – Так вот...

Его волнение стало слишком очевидным. А у меня вдруг возникло давно забытое состояние дежа-вю... Я знала, *что* сейчас скажет Сергей Егорович... Даже озноб пробежал под кожей...

– Возможно, вас шокирует моё признание... Но мне кажется, вы должны понять... Насколько я вас знаю... Я уверен. – Он сел в прежнюю позу: локти на коленях, пальцы сплетены. – Всё дело в том, что я... я гомосексуален. Да... Единственной – первой и последней – женщиной в моей жизни была мать Егора. Тогда я не вполне осознавал себя *другим*, хотя испытывал дискомфорт от непонятных мне устремлений. Думал, молодость, желание всё перепробовать... пройдёт... Потом понял, что это не блажь. – Пауза. – Но я жил один. Романов долгих не заводил... Ладно, это моя история, а я сейчас не об этом... – перебил он себя. – Я думал ночь и два дня, что же делать, что же сказать Егору... Первой мне пришла идея фиктивного брака. Впрочем, его не так волновал бы штамп в паспорте, конечно, ему нужно, чтобы мы стали *семьёй*. Да... ещё ему нужна наша свадьба... красивая, как в кино, сказал он, со множеством гостей. Тогда я бы объявил, говорит, в школе, что Марина Андреевна – моя мама... – Голос Сергея дрогнул. Он снова глотнул чаю. – Егор очень любит вас... и гордится вами... вашей дружбой. Как-то он спросил меня: почему Марина Андреевна живёт отдельно? Я сказал, что так ей удобней. А почему она спит в своей комнате, когда остаётся у нас, а не в твоей спальне? Я сказал, что в одной спальне мужчина и женщина спят, только если они муж и жена... Вот он, видно, думал, думал, и придумал...

Сергей вертел в руках чашку.

Я была не в состоянии что-либо отвечать.

– Но я не могу на это пойти... я имею в виду фиктивный брак. – Продолжил он. – Как минимум, по двум причинам. Во-первых, я не имею права связывать вас, вы же не обязаны бросать свою личную жизнь на алтарь интересов моего ребёнка. И второе... Скорее даже, первое и главное... – Он снова заволновался, сцепил пальцы так сильно, что они хрустнули. После

довольно долгой паузы, подняв взгляд, он сказал, глядя мне прямо в глаза. – У меня есть любимый... Мы вместе почти четыре года. И хотим быть вместе. Без лжи... От общества, правда, пока приходится скрывать наши отношения. Вот и от сына тоже... Хотя они знакомы друг с другом. Вы тоже знаете его. Это наш семейный доктор, Герман Романович.

Вот как!.. Я видела его в доме два раза – он приходил осмотреть Егора, когда тот простыл где-то в середине сентября. Я тогда подумала: именно *таким* должен быть доктор.

– Меня посещала мысль... это ещё до вас... привести моего... – Сергей подбирал слово, – ...привести Германа в дом под каким-нибудь предлогом... мол, моему другу негде жить или... или что-нибудь в этом роде. Но это было бы опасной ложью. Ведь когда мы с ним вдвоём, мы ведём себя, как любая нормальная пара: нам хочется порой поцеловаться, приласкать друг друга... выказать свою нежность... Нам пришлось бы контролировать себя... Где-то бы сорвалось, сын что-нибудь случайно увидел бы... С него достаточно трагедий. Я так решил, когда забрал Егора к себе... Кстати, тогда мы и познакомились с Германом.

Родители Сергея были в отчаянии: они больше не в состоянии сладить с Егором и настаивали на том, чтобы показать его психиатру. Сергей навёл справки о негосударственных клиниках и выбрал одну из лучших. Там ему посоветовали начать с педиатра и записали на приём к доктору. Доктор, Герман Романович, выдал «диагноз»: ребёнок-индиго. И рассказал Сергею об этом явлении. Если отец сомневается, добавил он, можно обратиться к консультантам. Отец не сомневался и для начала забрал сына к себе.

Они с Андреем с головой ушли в поиски информации, Герман помогал наладить контакт с Егором. Со временем некоторые проблемы решались, но Егор нуждался в постоянной опеке, чего Сергей не мог ему обеспечить. У Егора и до меня были воспитатели. Каждый год они менялись – нужного контакта с подростком не получалось.

Пока Сергей говорил о сыне, скованность ушла. Он сидел теперь, откинувшись на спинку кресла, положив руки на подлокотники.

– И вот, появились вы. Как благословение небес... – Он улыбнулся. – Правда, те вопросы, которые встали перед нами теперь, тоже не из простых.

– Вы имеете в виду, что ответить Егору по поводу вашей женитьбы на мне?

– Не только... – Сергей снова подался вперёд и переплёл пальцы. – Я встретил настоящую любовь... Неужели придётся принести её в жертву?.. Я не знаю, как мне быть...

Он замолчал, глядя на меня.

Я поняла, что он сказал всё и теперь ждал от меня решения. Я должна придумать, как помочь *всем*.

– Не преувеличиваете ли вы мои...

Меня перебил телефон, лежащий на столе рядом с чашкой Сергея.

– Извините. – Сказал он мне, взял трубку, поднялся и отошёл к окну. – Да, милый... Я выезжаю через двадцать минут... да, хорошо.

Он вернулся на место, посмотрел на меня.

– Не преувеличиваю ли я ваши способности?.. О, нет. Вас невозможно переоценить. С некоторых пор я уповаю на вас, как на всевышнего. – Сергей помолчал, отпил из почти пустой чашки и сменил тон и тему. – Мы летим вдвоём. Отдохнуть. Я на связи, так что звонить буду, как обычно... Вот ещё. – Он достал из внутреннего кармана пиджака два конверта. – Это ваше жалованье. Я его повысил. А здесь деньги на неделю, на развлечения и на зимнюю одежду для Егора. Пожалуйста, просмотрите его гардероб и купите всё необходимое, он из многого вырос, по-моему. А те вещи, что ещё в приличном виде, соберите, пусть домработница отдаст

в чистку. Андрей знает, что с ними делать дальше. – Он потёр лоб, словно вспоминая что-то. – Кстати, я просил вас не экономить и не расходовать своих денег на сына, а вы каждую неделю говорите мне, что не всё потратили... Да, что касается Андрея... У них с Егором взаимная привязанность... ну, да, конечно, вы заметили. Так вот. Если у вас нет возражений, вы могли бы проводить время втроём... Или просто давайте им возможность быть вместе. У Андрея есть идея съездить в воскресенье к морю. Хотите, поезжайте с ними, не хотите – отдыхайте. Опять же, если вы не возражаете, Андрей будет жить с вами... в смысле, в моём доме. – Он посмотрел вопросительно на меня: – Не надумали ещё съехать от себя к нам? – И тут же осёкся: – Я настаиваю! Как вам удобно... – И повторил: – Как вам удобно, Марина Андреевна.

– Я подумаю. – Сказала я, хотя решила переехать уже до этого разговора, ещё в понедельник. – Сергей Егорович. Простите меня за вопрос, но это необходимо...

– Да, конечно.

– Скажите, мать Егора... она жива?

– Нет. Она погибла, когда сыну было два года. Он почти не помнит её, а фотографий я не показываю. Не знаю, почему я не делаю этого... Может быть, я подсознательно надеялся когда-нибудь найти для него мать?... Придумать какую-нибудь историю из области сказок... А для этого нужно, чтобы он не привязывался к какому-то образу. Сначала мы говорили Егору, что мама уехала очень далеко, по делам. Он что-то там себе фантазировал, рассказывал эти истории нам, всем вокруг... верил в это... Кстати, один реальный эпизод врезался ему в память. Его мать уходила из дому... кажется, в магазин, я держал Егора на руках... когда она оделась, он потянулся к ней, обнял, прижался крепко и долго не отпускал. Она была чем-то взвинчена и пыталась отдать ребёнка мне. Он вдруг отпустил руки, посмотрел на неё и спросил на своём детском языке: ты больше не придёшь? Она сказала нервно: приду, приду! – и вышла. На следующий день она... её не стало. Позже Егор рассказывал, как его мама надела красивые голубые сапожки, розовую пушистую куртку, полосатый шарф, такую же шапочку, крепко обняла его и ушла. И её похитили, рассказывал Егор, потому что она самая красивая на свете, и когда он вырастет, он отправится её искать... – Сергей замолчал, моё сердце разрывалось на клочки... – Вы ещё не сталкивались с его буйным воображением? – Сергей вскинул на меня взгляд и улынулся.

Я мотнула головой:

– Самой пока не довелось, хотя я, конечно, подозреваю и этот талант в вашем сыне. А физик вот рассказывал кое-что...

Моя реплика вызвала лишь короткое оживление во взгляде, похожее на знак вопроса, но Сергей отодвинул возникшую тему на следующий раз и продолжил.

– Потом Егор перестал говорить о матери. Мы думали, всё, вопрос закрыт. Но, когда в школу пошёл, столкнулся с фактом, что у всех есть мамы, а у него нет... Он вдруг занервничал и всё просил: если она умерла, скажите мне честно. Он пытался застичь врасплох то меня, то деда с бабкой... так каверзно формулировал вопросы, что мы вынуждены были всегда быть начеку. – Сергей помолчал. Усмехнулся. – Даже не знаю, почему я так упорствовал, почему не говорил правду?... Мы придумали, что она пропала без вести. Чем, разумеется, только подлили масла в огонь его фантазий. – Он снова усмехнулся. Потом посмотрел на меня серьёзно и поделовому. – Последние года два тема стала затухать. И вот появились вы.

Я ничего не сказала. Выдержала паузу: не будет ли продолжения? – и спросила:

– Сергей Егорович. Вы... вы часто обнимаете сына?

Он посмотрел на меня удивлённо.

– М-м-м... я не знаю... как-то на этом не концентрировался... Ну, да, бывает иногда... Нет, это нельзя назвать *часто*.

– Если вы доверяете мне, послушайтесь моего совета... Нет, Сергей Егорович, это настоятельная просьба. При любом удобном... и неудобном случае обнимайте своего ребёнка. И не

только ребёнка. Обнимайте своих родителей, друзей... любимого. Нужно как можно больше обниматься, прикасаться друг к другу. – Мой собеседник смотрел на меня с удивлённой улыбкой, не понимая, шучу я или всерьёз. – Вы мне не верите? Спросите у Германа Романовича, он как доктор... как продвинутый доктор должен знать это. По данным эксперимента в одном хосписе, дети, которых обнимали четыре раза в день, нуждались в меньшей дозе обезболивающих... а у тех, кого обнимали более десяти раз, наблюдались случаи ремиссии.

– Вот это да! Никогда бы не подумал, что это может быть правдой. – Сергей Егорович улыбнулся. – Но вам я верю! Спасибо, я положу все силы на выполнение вашего наказа...

Он поднялся с кресла, я последовала его примеру. Он обошёл стол, приблизился ко мне, протянул руку и задержал в ней мою.

– Простите за нескромный вопрос... А вас есть, кому обнимать?

– Нет. – Я опустила голову. – Вы же брали на работу одинокую женщину.

Правда, условия сохранять данный статус на протяжении деловых отношений мне не ставили. Во всяком случае, не оговорили дополнительно – ни письменно, ни устно. Возможно, это подразумевалось само собой? Или хозяин не стал оговаривать этого пункта, думая, что, если мне «за сорок» и я одинока, то это уже навсегда?.. Когда-то и я думала – и вполне искренне! – что жизнь входит в колею где-то к двадцати двум годам, а после теряет привлекательность, новизну и превращается в обыденность и даже повинность.

Иногда мне приходила мысль, что, возможно, деловые отношения с одинокой женщиной на почве воспитания ребёнка планировалось перевести в семейные. Но заявитель не задира бы возрастную планку столь высоко – «старше сорока» – если он рассчитывал на роман, а впоследствии на брак, то и возраст заказал бы соответствующий...

Теперь-то всё встало на свои места, подумала я, и мне показалось, что внутри возникло ощущение потери...

– Тогда я пока этим займусь. Вы не возражаете? – И он обнял меня.

– Нет, не возражаю, – сказала я и тоже обняла его.

Я ощутила волнение. Но только на миг. Вдруг разом пришло ощущение тепла и покоя, словно эти руки обнимали меня всю мою жизнь, сколько я себя помнила...

Я снова едва не расплакалась.

Сергей подал мне плащ. Оделся сам, взял свой стильный портфель и зонт.

Внизу он проводил меня к машине. Из неё вышел Андрей, они обнялись, и Сергей сказал:

– Береги! Понял?

– Понял. – Сказал Андрей и хлопнул его по плечу. – Отдыхайте.

* * *

Андрей предложил мне сесть рядом, впереди.

Какое-то время мы ехали молча.

Я искала ответ на вопрос: почему, для чего Сергей Егорович вызвал меня на разговор в офис, за час до своего отъезда?..

Ничего сверхсрочного, о чём он не мог бы сказать в любое другое время после приезда, в нашем разговоре я не заметила... Поблагодарил меня... Поведал историю сына... Свою историю...

Может, он рассказал мне столь деликатную правду о себе накануне долгого отсутствия с тем расчётом, что, если я не приму данного статус-кво, то у меня будет время подумать, и сформулировать причину ухода?..

Нет, навряд ли он ожидает от меня такого – он же сразу сказал: я уверен, что вы меня поймёте.

Но понять – одно, а принять другое...

Выдал деньги, сделал распоряжение о зимней одежде Егора... Но за всем этим не обязательно было вызывать меня в срочном порядке в офис...

Как же я упустила!.. Сергей вызывал меня, чтобы рассказать о просьбе Егора! «Папа, женись на Марине Андреевне, я хочу, чтобы она стала моей мамой»...

Вот что!.. Это уже после были детство Егора, юность Сергея и отчаянное: «я не знаю, как мне быть»...

И тут я вспомнила! Сегодня снилась мама.

Мама, словно ангел, всегда предупреждает меня о предстоящих значимых событиях. Я, правда, не сразу научилась распознавать эти сигналы, а когда научилась, то всякий раз благодарила её. Впрочем, об этом можно написать книгу. Что я когда-нибудь, возможно, и сделаю.

Мама читала какое-то письмо и всё приговаривала: «ну надо же!.. ну надо же!..»

Ну надо же!..

* * *

– Босс вас чем-то озадачил? – Спросил Андрей.

– Вы ведь давние друзья? – Ответила я вопросом.

– Вы ведь знаете, – сказал он с улыбкой.

– Тогда, уверена, вы в курсе, о чём мы говорили.

Андрей засмеялся:

– Да, психология – это серьёзно...

Потом спросил:

– Не хотите поговорить?

– Хочу. – Сказала я. – Даже очень хочу. Только не сейчас, хорошо?

– Хорошо, – сказал он. – У нас есть время?

– К ужину нужно вернуться. Сейчас половина шестого... Час с лишним у нас есть.

– Тогда поедем, проветримся. Не возражаете?

– С удовольствием.

Свернув с кольцевой недалеко от поворота на наш посёлок, машина ехала среди леса по просёлочной дороге. Дорога вышла к озеру.

Мы побрели по берегу. Стояла редкая тишина – ни ветерка, ни звука, ни малейшего бриза на воде. В полыхающие оранжевым тучи садилось расплывшееся от усталости солнце. Оно выглядывало в образовавшуюся в тучах брешь, словно желая удостовериться напоследок, всё ли в порядке на этой стороне планеты. Всё было в порядке. В мире был покой.

Я старалась избавиться от всяких мыслей и просто расслабиться, чтобы впитать в себя это редкое состояние природы.

Лишь один назойливый вопрос дятлом стучал в сознании: и Андрей тоже?.. И он?..

Андрей поднял камешек и запустил его по воде.

– Восемь, – сосчитал он образовавшиеся на воде круги.

Я бросила свой. Получилось пять.

– Ого! – Сказал он. – Неплохо.

Я подобрала несколько подходящих камешков и пустила их один за одним в разных направлениях. Получился веер из «блинов».

Андрей присвистнул. Началось соревнование. Мы оба вошли в азарт, и скоро камешки закончились. Мы ворошили песок ногами, но ничего подходящего не попадалось. Тут я заметила идеальной формы плоский голыш и поддела его носком. Андрей тоже увидел его и попытался отшвырнуть от меня, я отстаивала находку, пока мы не упали оба на песок. Мы, смеясь, продолжали борьбу, и мне удалось завладеть сокровищем. Андрей не сдавался, пытаюсь разжать мою руку. Потом я перестала сопротивляться и раскрыла ладонь, он накрыл её своей.

Мне показалось...

Но ничего не произошло.

Мы поднялись, отряхнулись. Я протянула камень Андрею. Он вопросительно посмотрел на меня, я кивнула. Андрей размахнулся и запустил снаряд по воде. Тот едва ли не достиг противоположного берега, перерезав тёмную гладь пунктиром, тут же разошедшимся в обе стороны мелкой зыбью цвета червонного золота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.